

Очередной длинный день. Принц Давид дома Люменбел был гостем в этой стране, но всё чаще казалось, что это не означает ровным счётом ничего. Крупные политические игроки видели в нём не более чем помеху, которую спешили скинуть на своих заместителей и секретарей.

Он пробыл здесь уже несколько месяцев, но до сих пор ни разу ему не представилось шанса поговорить хотя бы с одним крупным политиком больше пяти минут.

Это не беспокоило его поначалу – особенно потому, что во время прошлых визитов, ещё в студенческие годы, отношение к нему сильно отличалось. Когда он был просто иностранным маленьким принцем с забавными остротами на каждый случай, крупные игроки были более чем рады отдать свет прожекторов ему. Позволить развлекать их гостей. И заодно слепить из юного принца со впечатлительным разумом то, что было нужно им.

Теперь, когда он повзрослел и стал официальным послом Атрии, то их интерес в нём заметно угас. На его место пришла осторожность. Не помогало и то, что половину знакомых ему людей заменили кем-то ещё. Какой же неудобной была их система управления. Как можно хоть что-то сделать, если после каждых выборов приходилось заново выстраивать отношения и искать новые источники финансирования? Даже сейчас ему не хотелось сблизиться с ними, потому что в следующие три года неизвестное их число станет совершенно другими людьми на совершенно других должностях.

В таком случае, наверное, он мог понять, почему никто из них не хотел заводить отношений с ним.

Но, опять же, это беспокоило его только поначалу. Больше нет. Потому что он нашёл другой подход. И начал видеть всё так, как было на самом деле.

Ужасная правда заключалась в том, что эти якобы большие игроки почти никогда понятия не имели, о чём они говорят. Здесь избирали тех, кто выглядел так, будто что-то понимает. Это люди позади них – а порой и ниже них – на самом деле глубоко размышляли о политике и пытались повлиять на ситуацию в Интаре. Те, кто писали и проверяли политические речи, те, кто нашёптывали этим фигурам на уши между встречами, те, кто собирали чеки спонсоров – вот к ним действительно стоило отнестись с вниманием.

Политика этой страны была потрясающей штукой. Раздражающей и невероятно муторной, но потрясающей. Ему пришлось научиться практически полностью новому набору навыков, чтобы просто начать хоть немного ориентироваться в местном политическом ландшафте.

Тогда он и понял, что встречи с секретарями и заместителями – это не так и плохо. Об этих людях почти никто не думал, но ведь они присутствовали в стольких важных разговорах, безмолвно наблюдая и изучая ситуацию.

Так что подставить этим молодым трудягам дружелюбное, готовое выслушать ухо было совсем не трудно.

— Да-а, такое ощущение, что этот сенатор Гарвей тот ещё кусок... характера, — сказал Давид.
— А ведь перед камерами такой добрый и лучезарный человек. Никогда бы не подумал.

— Ага, — кивнул юноша по другую сторону стола, развалившись в кресле и приложив кофе с мороженым к виску. — Мне реально постоянно кошмары снятся, в которых он просто на меня орёт. Со всех сторон. Блин... такое чувство, что сегодня будет тоже...

— Поэтому запиваешь сон кофе?

— Ага... мне всё равно вставать через пару часов, так что, может, лучше и не ложиться.

Давид нахмурился, ему было искренне жаль парнишку:

— Может, я могу чем-то помочь?

Парень даже не открыл глаз.

— Спасибо за предложение, но вряд ли это возможно. Придётся потерпеть ещё немного... лет, скорее всего.

Он проворчал под нос.

— Можешь найти другого сенатора.

— Ну да, будто это так просто. Без рекомендации со стороны их команды это практически невозможно. Мы работаем в аду, но что поделать, когда столько претендентов. На самом деле, мне очень повезло, что я смог так высоко подняться. По крайней мере, так мне все говорят...

— А если бы ты мог работать на кого-то другого, то кого бы выбрал?

— ...Имеешь в виду, из любой партии?

— Мгм.

Юноша задумался. Звали его Яван Карлито, и, несмотря на довольно жалкий вид со стороны других посетителей захудалого бара, этот парень был одним из самых талантливых лоббистов, каких только видел Давид. И не только во время дебатов в холле конгресса.

К счастью для Давида, этого пока никто другой не заметил.

— ...Ну, думаю, сенатора Джекобсона, если можно позволить себе такую мечту. Через пять лет он выставит свою кандидатуру в президенты – и почти наверняка победит, потому что его курс и команда прочны как скала. А ещё, конечно, он отличный оратор, что отлично поможет против... эм, некоторых вероятных соперников. Кроме того, как я слышал, он офигенный чувак, что отличный бонус.

— А.

Не в первый раз Давид слышал о Джекобсоне. Хотя узнать, сколько правды в слухах, всегда трудно. Особенно среди политиков, для которых умение завести друзей и подать себя – самый ключевой навык. А если люди считают тебя хорошим, то задача, как правило, становится легче.

В том числе и предавать людей проще, порой настолько, что они даже не осознают, что их кинули.

Но если так про Джекобсона думал Яван, то ему хотелось верить, чувствовал Давид. Возможно, это всё же не просто слухи.

— Ты так упомянул последнюю часть, будто она для тебя не важна, — сказал Давид. — Разве после ада, который тебе приходится переживать с Гарвеем, отношение начальника не должно было стать для тебя приоритетом?

В этот раз Яван приоткрыл глаза и ответил через пару секунд размышлений:

— Не сказал бы. По правде говоря, между человеком, который действительно способен изменить мир, и человеком, который просто добр ко мне, я бы выбрал первого.

Ха. Да. Этот пацан однажды точно сделает себе имя.

Яван снова прикрыл глаза и пробормотал:

— Но в идеале, конечно, я бы выбрал и то, и то...

Давид отпил холодного чая и сказал невзначай:

— А я знаю кое-кого из команды Джекобсона.

Яван чуть приподнял голову со стола, хотя ничего не сказал.

— Если хочешь, я могу замолвить за тебя словечко.

Глаза парнишки широко открылись, он удивлённо моргнул:

— Т-ты это серьёзно? Н-но... но я...

Затем он вернул самообладание и сказал спокойно:

— В обмен на что?

Принц Давид поджал губы:

— Разве я говорил что-то про обмен?

— Нет. Но в этом мире нет ничего бесплатного.

— Ну, а вот это совсем не правда. На днях я зашёл в один магазинчик, тут рядом, и там раздавали замечательные маленькие пирожные на пробу. Совершенно бесплатно.

Яван всё ещё смотрел ему в глаза.

— А ты очень недоверчивый юноша, знаешь ли.

— Да. Мне говорили.

Давид облизнул губы и отпил ещё.

— Это тебе придётся перебороть, если хочешь далеко зайти в своём деле.

— В каком смысле?

— Не пойми меня неправильно, недоверчивость полезна - на самом деле, даже необходима. Ты должен сомневаться в людях, чтобы понимать, когда они лгут или чего-то ждут. Это правильно. Но самый важный навык для политика - это умение заводить друзей. А многих людей недоверчивость отталкивает, если ты открыто её показываешь.

Юноша нахмурился, будто не понимал - или не хотел понимать.

— Как бы там ни было, чего ты хочешь от меня? Очевидно, что ничего будет мало.

Давид кратко усмехнулся.

— Чего я хочу от тебя, Яван, так это хорошей политики.

— Чего?

— Я хочу, чтобы правильные люди были на правильных местах в правильное время. — Он приостановился, чтобы сделать ещё глоток. Блин, для бара это место готовило просто восхитительный чай. — Временами быть умным недостаточно. И упорным тоже. Но в другое время некоторым нужно помочь совсем чуть-чуть, чтобы они раскрыли свой полный потенциал. И когда однажды ты тоже сможешь помочь другому человеку в похожей манере, то я надеюсь, что ты вспомнишь эту нашу встречу. Потому что именно такие мелочи и меняют мир.

Яван молчал, разглядывая его.

Давид больше не понимал, что происходит в голове юноши. Ну и ладно. Может, ему требовалось время, чтобы собраться с мыслями. Взгляд невольно прошёлся по бару, остановившись на телевизоре в углу стойки.

Там были какие-то очередные новости про чрезвычайную ситуацию, но они задержали его внимание лишь на долю секунды, прежде чем оно вернулось обратно к Явану.

— Понятно. Звучит хорошо, но на деле это то же, чем занимаются политики Интара. Помощь в обмен на помощь в будущем.

В его голосе не было ни отвращения, ни разочарования. Он просто перечислял факты.

Давид наклонил голову, принимая его слова, но всё равно должен был возразить:

— И да, и нет. Я хочу, чтобы между нами остались дружеские отношения, это очевидно, но, строго говоря... политика, о которой ты говоришь... не совсем приемлема, как мне кажется. Делать что-то в обмен на что-то в будущем — это отличный способ подставить себя под удар — или просто не получить ничего. Нет, я бы не стал предлагать такого, если бы не желал помочь искренне, или не думал бы, что ты того заслуживаешь.

Парень сказал что-то ещё, но внимание Давида переключилось обратно к новостям. И остановилось на них.

Потому что текст в нижней полосе заставил его потерять нить разговора.

«На разорённой войной Элоа началось множественное извержение крупных вулканов»

Изображение разделилось на три сцены разом, каждая показывала столбы чёрного или серого дыма, заполняющие небо.

Яван тоже заметил:

— В последнее время такое чувство, что у мира закончились хорошие новости.

Давид едва услышал его. Вскоре стало ясно, что как минимум три вулкана начали извергаться, по одному в Кавии, Мельмуре, и Ванталэе.

Почему-то он сомневался, что это совпадение.

..

В последнее время Гектору чаще снились сны. Вообще, даже каждый раз. И все они были такими... случайными.

Но очень реальными.

В этот раз он видел жизнь простого крестьянина. По крайней мере, так ему казалось поначалу. Человек пришёл на его землю. Человек великой силы и влияния. Человек, что привёл с собой армию. Потому что это был не первый их визит. Лидер армии уже долгое время безуспешно пытался убедить крестьянина сдаться.

В рядах армии царил страх, но не в словах лидера:

— ...Откуда берётся твоя наглость, неужели же ты не знаешь меня, простолюдин?

— Нет, не знаю. И не хочу знать.

— Я новый лорд твоих земель.

— Поздравляю. Но я служу лишь одному лорду, живущему в моём сердце. Если ты ищешь дани, то тебе придётся поискать в другом месте.

Лорд громко засмеялся:

— Ха-ха-ха! Давно я не встречал столь бесстрашного человека! Или же твоими устами движет лишь невежество?! Уверен, армия за моей спиной пробудила бы от глупости и последнего дурака. Или же ты ещё и слеп?!

— Я вижу твою армию. Для их блага, лучше бы им не затоптать моих посевов.

И вновь раздался могучий смех.

— Если бы только каждый мой человек был так же бесстрашен, я бы завоевал весь мир!

— М-м, но завоевал бы ты себя?

— Прошу прощения? В каком смысле?

— Чтобы утолить голод, достаточно и скромного обеда.

— А... значит, ты не знаешь моего голода. Потому как моему нет конца.

— Знаю. Я знаю голод, о котором ты говоришь. Он не этого мира, и потому ничто в этом мире не в силах его утолить. Кроме разума. Завоёванного разума.

Больше лорд не смеялся. Теперь он внимательно слушал.

— Какие бы могучие подвиги ты ни совершил, сколько бы людей ни называли твоё имя, какими бы запасами ни наполнилась казна, всё это для тебя не ценнее грязи.

Крестьянин даже не смотрел на него. Вместо этого он взял лопату у забора и начал рыть землю у своего мощённого булыжником крыльца.

— Пока ты не завоюешь свой разум, ты не завоюешь ничего.

После этого лорд замолчал. Он и все его люди просто стояли, наблюдая за тем, как крестьянин роет землю.

— ...Как зовут тебя, простолюдин?

Крестьянин не ответил.

Лорд начал испытывать раздражение:

— Пожалуйста, назови мне своё имя. Меня зовут Юнсо. Я бы хотел узнать имя того, кто вступит под моё крыло.

— Похоже, тебе изменяет слух. Я не служу ни одному лорду, кроме себя.

— Это изменится, либо я убью тебя здесь и сейчас. В любом случае, назови мне своё имя, потому как будет очень жаль, если твоя могила останется безымянной.

Вспыхнул свет, настолько ослепляющий и продолжительный, что Гектор решил, будто это и есть конец сна. Но когда свет наконец потух, то лорд по имени Юнсо был разорван на части, вместо головы и плеч осталась обугленная дыра. А на конце лопаты крестьянина дымился пронзённый, умирающий жнец.

Армия уже разбежалась прочь. Некоторые упали на землю и теперь пытались подняться, хотя крестьянин ничего им не сделал.

Гектор продолжал наблюдать. Это напомнило ему о времени в Свече, когда он мог управлять видениями прошлого. Поэтому он попытался перемотать назад, поставить на паузу, но ничего не получилось. Сцена продолжалась, позволяя лишь бродить и смотреть вокруг.

Он пытался разглядеть лицо крестьянина, узнать, как тот выглядел, но это оказалось невозможным. Осознание «я» в этом месте было каким-то странным. Вероятно, потому что разум всё ещё спал. Он чувствовал, что не может сконцентрироваться. Неспособен воспринять подробности.

Только проснувшись, он начал по-настоящему осознавать, что увидел, и даже после этого не был уверен в понимании произошедшего.

Казалось очевидным, впрочем, что эти сны – по крайней мере, частично – он почерпнул во время своего путешествия в Свечу. Хотя бы потому, что раньше ему почти никогда ничего не снилось. Иначе это было слишком странное совпадение. Все воспоминания и информация, переданные ему Кузней, вероятно, теперь организовывались в новом виде.

Он чувствовал, что это хороший знак. Символ прогресса. Вероятно, это будет происходить всё чаще, пока его разум продолжает всё обрабатывать. Или, может, сны – символ того, что обработка уже закончилась.

Было так странно думать о подобном. Разве он не должен знать наверняка? Это же его мозг, блин.

В любом случае, основное внимание Гектора всё ещё оставалось на Григозо и Эрикоросе. Теперь, когда немедленная угроза для Уоррена отошла на второй план, эти два жнеца стали проблемой, требующей наиболее срочного решения. К тому же, замок был практически пуст, пока они ждали вестей из-за границы – в частности, из Ванталэя.

Из полученных докладов Гектор знал, что там ситуация наиболее напряжённая. Рейнлорды сражались уже несколько недель, чтобы найти и освободить своих родных, а сейчас были на грани того, чтобы это получилось. Оставался только финальный штурм Бревлогова, и он надеялся услышать хорошие новости в ближайшее время.

Было трудно не волноваться, конечно, но это же рейнлорды. Он верил в них. Своими глазами видел их силу.

Они никому не позволят встать у себя на пути.

Хотел бы он отправиться к ним. Теперь, когда Уоррен в безопасности, искушение было велико как никогда.

Но если ситуация не станет по-настоящему плохой, нужно держаться. Рейнлорды будут в порядке и без него. А Уоррен – нет. Конечно, Кровавый Глаз вряд ли скоро пойдёт в новую атаку, но Гектор не собирался рисковать просто из-за предположений.

Да уж, это был опыт, заставляющий по-новому взглянуть на жизнь. Такие решения нетривиальны, мягко говоря. Он мог только представить, сколько ещё их придётся принять в будущем.

Выбирать, куда пойти и кому помочь. Как распределить ограниченное время и ресурсы. Эти вещи становились всё важнее и требовали всё больше размышлений. Он начинал чувствовать, что именно так – только гораздо масштабнее – чувствовали себя знаменитые воины и влиятельные люди прошлого.

Какими бы хорошими ни были его намерения, как бы силён он ни становился, можно сделать лишь определённое количество дел за раз.

— «Но тем больше причин продолжать двигаться вперёд, — сказал Гарвель приватно. — И продолжать бороться. Важно помнить, что каким бы сумасшедшим ни становился мир, в нём всегда полно людей, бьющихся за то же, за что и мы. За его защиту. И да, может, в чём-то мы можем быть не согласны, но есть утешение в том, что ответственность не только на наших плечах»

— «...Как думаешь, Серман считает так же? Ну, то есть... если кто-то и чувствует тяжесть мира на плечах, то точно он, верно?»

Жнец ответил не сразу: «Не могу сказать, что понимаю мысли или цели Кристального Титана, но я подозреваю, что они совсем не такие, как все думают»

— «Почему это?»

— «Ну, вот, как насчёт этой войны? Мы тщательно следим за новостями со всего континента, даже отправляем разведчиков, чтобы узнать всё из первых уст и помочь, кому особенно нужно. Но до сих пор даже зацепки не получили о том, где может прятаться Серман. По идее, он уже давно должен был появиться, хотя бы когда Моргунов выступил на Саир. Но нет. Ни слуху, ни духу»

Гектор слегка наклонил голову.

— «Да, тут ты прав... Думаешь, он... занят чем-то ещё? Или же просто... эм...»

— «...Или ему просто плевать?» — закончил за него Гарвель.

— «Я бы не хотел говорить так грубо, но... да. То есть, мужику ведь шесть веков, если не больше, я бы понял, если бы ему... надоели все эти сражения. Уверен, я тоже изменюсь, если проживу так долго»

— «Ты поднял очень интересный момент истории. И не только в отношении Сермана. Каждый раз, как в мире появляется некто "самый сильный" - если только этот человек не последняя тварь - то все начинают задаваться одним и тем же вопросом»

— «Значит, ты не думаешь, что Серману... ну, плевать?»

— «Нет, не думаю. Но я считаю, что у него совершенно иной взгляд на мир в сравнении с нами. А ещё, как мне кажется, он заслуживает возможности дать небольшую слабость, после всего, что сделал для человечества. Довольно легко забыть, что он, вообще-то, ни хрена никому не должен. Спасение мира - не ответственность одного человека и не должно быть ею. Но люди постоянно ведут себя так, будто мы заслужили его защиту и силу, будто он наш большой должник, в то время как на деле всё наоборот. Скорее это мы должны ему. И в прошлом люди вроде него делали это ясным, когда требовали дань за свою защиту. Тот факт, что он ничего взамен никогда не просил, по моему скромному мнению, делает его святым»

— «...Вау. Я знал, что тебе нравится Серман, но не подозревал, насколько. Ты прямо фанат»

— «О, да не сказал бы. Просто мне частенько приходилось участвовать в подобных разговорах, как правило, с людьми, заготовившими гораздо больше аргументов, чем ты. Поэтому я выработал сильное мнение. Особенно в последнее время»

— «А...»

— «Трудно представить, насколько трудно оставаться вменяемым на уровне вроде его. А учитывая, как долго он это делает, я готов предоставить ему столько доверия, сколько потребуется. Даже если он в итоге не станет вмешиваться в эту войну, то у него наверняка будет на то хорошая причина»

Гектор надеялся, что Гарвель прав, но не знал, согласен ли со жнецом.

Подумав о риске запустить жнеца снова, он решил на том закончить разговор и поднять похожую тему для Григозо и Эрикоро.

— Какое в целом мнение у Избавления о войне? Они боятся, что Серман вступит?

— «Могу только догадываться, что у шишек на уме, — ответил Григозо, — но с немалой долей вероятности следует считать, что мораль на высоте. Не считая, пожалуй, тех, кто в Мельмуре. Я слышал, что там всё довольно плохо. Но из большинства докладов следует, что народ верит в свои шансы на победу»

Их мнение сильно отличалось от мнения Кудесника Света, заметил Гектор. Но едва ли удивляло, что у противников разные мнения об исходе войны.

— «Что же до самого Сермана, то его побаиваются в каждом начинании. Что бы мы ни делали, это имя произносят редко, но думают о нём часто»

— «Едва ли это удивляет, — вдруг заговорил Эрикорос, что ещё как удивило. Жнец очень редко вставлял своё слово и обычно только слушал - по крайней мере, при нём. — Каждый император - это армия в лице одного человека. Страх перед ними пропитывает всё в любом конфликте»

— «Даже среди людей Сай-хи?» — спросил Гарвель.

Эрикорос замолчал на секунду. Гектор подумал, не было ли это слишком дерзким вопросом на вкус жнеца.

— «...Да, — наконец ответил он. — Исключения, несомненно, существуют, особенно среди глупцов, но подавленный страх есть и в наших рядах. Было бы высокомерно и глупо заявлять иначе»

Гарвель согласно кивнул.

Теперь у Гектора тоже был вопрос к жнецу, хотя он не надеялся услышать ответ:

— А какая Сай-хи на самом деле?

И действительно, жнец не ответил.

Гектор попытался зайти с другого угла:

— Я спрашиваю, потому что Лео отзывался о ней не очень лестно, но, насколько понимаю, ты тех же чувств не испытываешь. Мне бы хотелось узнать, что думает человек с противоположным мнением.

Эрикорос выдохнул - хотя и не дышал.

— «Думаю, это справедливо... — Он замолчал на пару секунд, собираясь с мыслями. — Сай-хи... сложная личность. И это правда, моё уважение к ней никогда не ослабнет, как мне кажется. Глубину её сострадания к другим трудно выразить словами. Если считать Сермана отцовской фигурой в мире, то её, наверное, можно считать материнской. Она добра без меры и относится ко всем как к детям»

Гектор мог бы назвать пару перечисляемых тому фактов, но решил не вмешиваться.

Гарвель, с другой стороны, сдерживаться не стал:

— «Добра без меры, а? Я её никогда не встречал лично, поэтому не стану говорить, что ты не прав, но эта женщина известна за множество не очень добрых поступков. Например, за конфликт с рейнлордами»

— «А, да, дело Ричлэнда. Это было ужасно, согласен, но в этом не было её вины. Всё дело в Ариане, эта женщина всегда была импульсивна и... “подходила к делу страстно”, как многие обычно выражаются. Она эмоционально нестабильна, насколько могу судить я»

— «Поправь меня, если я не прав, но даже если ты говоришь правду, это не делает Сай-хи невинной, верно? Лидер должен принимать ответственность за своих подчинённых, особенно в глазах публики. Если эта Ариана была настолько нестабильна, то Сай-хи виновна хотя бы в том, что не разобралась с ней раньше, чем она отняла множество невинных жизней»

— «Я и не собирался заявлять, что Сай-хи - какое-то безупречное сверхсущество, всегда делающее правильный выбор. И твоё мнение справедливо, даже если тогда существовало множество нюансов, в которые, полагаю, сейчас не время вдаваться. Я, конечно же, понимаю точку зрения рейнлордов в этом конфликте. Но Лорд Тёмной Стали спросил, какая она, а не о том, какие ошибки она совершила или не совершала в прошлом. А если судить так, то я считаю её лучшей и самой доброй из нынешних четырёх императоров. Однако трое других постоянно ставят её в ситуации, в которых невозможно сделать правильный выбор - ситуации, если позволите напомнить, в которых ей нужно принимать в расчёт жизни более чем двух миллиардов людей, живущих под её защитой»

Гарвель поднял костлявые руки над головой: «Я не спорю, не спорю. Никто, включая неё, не может щёлкнуть пальцами и исправить все проблемы этого мира. Я просто пытаюсь сохранить баланс»

— «Это желание мне хорошо известно, — сказал Эрикоро, его челюсть изогнулась невозможным для кости образом. Спустя мгновение Гектор с удивлением понял, что это была улыбка. — Ты пытаешься соблюсти нейтралитет. Поэтому, как мне кажется, тебе понравится Сай-хи, если однажды вам повезёт встретиться»

Гарвель усмехнулся: «Да, я тоже так думаю. Впрочем, вряд ли это о многом говорит. Мне большинство людей нравится. Я так полон любви, что чуть ли не лопаюсь. Слишком много во мне терпимости и понимания»

Гектор с трудом удержался от закатывания глаз, ограничившись улыбкой, и сказал:

— Лео как-то упоминал, что она спасла ваш родной уголок. Или, по крайней мере, её люди.

— «Да, вот это я и имею в виду, когда говорю, что она лучшая из императоров. Может, её цели не так высоки как “спасение мира”, но для защиты невинных людей она делает больше, чем любой другой, наверняка во многом из-за своего материнского отношения к каждому, кто нашёл место под её крылом»

Такое Гектор мог оценить – по крайней мере, саму идею. Раньше он думал, что они с Гарвелем ближе к Авангарду, с их активным наступлением на врага, но после всего, через что они прошли, начал считать, что подход, озвученный Эрикоросом, описывает их лучше.

Впрочем, нельзя было сказать, что всегда можно придерживаться одного мнения. Контекст играл большую роль.

— «Не хочу спорить, — продолжил Гарвель, — но не похоже, что она одинаково относилась ко всем своим последователям, учитывая, какой проблемой была Ариана»

— «Хмф. Да, технически ты прав. Мне не стоило произносить слово “всем”. Но суть остаётся той же. И я уверен, что мне не нужно приводить примеры того, как Авангард на протяжении истории тоже не выдерживал своих высоких идеалов»

— «Нет, не нужно»

Разговор ходил вокруг да около ещё какое-то время, пока жнецы смещались туда-обратно, не предоставляя никакой новой информации. Пока, наконец, Гарвель не сменил тему новым вопросом, направленным на Григозо:

— «О, точно, я всё хотел спросить: сколько было Банде?»

— «Сто сорок один год, — ответил Григозо. — А что?»

Глаза Гектора округлились, он моргнул.

— «Да так, просто любопытно. А сколько Кровавому Глазу, случайно, не знаешь?»

— «Сто семьдесят шесть»

Стоп, что? Какого хера?

Жнецы продолжили говорить, но Гектор перестал слушать. Все мыслительные процессы застряли и остановились.

Такие возраста.

Банда был настолько охренительно стар?

Но, что ещё важнее...

Гектор знал, насколько стар Кровавый Глаз. Сто тридцать три года. Эту информацию он получил из Свечи. Всё ещё не представляя, откуда её получила она - и наверняка этого он никогда не узнает - но Григозо сейчас назвал другую цифру.

Что это означало? Стоп. Это же не... это...

О богиня.

Значит, Свеча не всегда была права?

Получается, весь тот колоссальный объём информации, загруженный в его мозг метафорическим самосвалом...

Не всей ей можно было верить? Это не было каким-то волшебным резервуаром правды?

Одна из его рук невольно поднялась ко лбу, пока взгляд таял в полу из ночного камня.

Вот же дерьмо...

Пока он пытался осознать весь охват этого раскалывающего мир напополам открытия, беззвучный голос Гарвея, охваченный эхом приватности, вернул его:

— «Что с тобой?»

Он не знал, как объяснить, особенно посреди другого разговора.

— «Угх... я потом расскажу»

Гектор попытался выбросить это из головы - по крайней мере, ограничиться одним мыслительным процессом, а не всеми.

Но потом вспомнил, что эта информация принадлежала не только Свече. Естественно, как только он понял, что знания о Кровавом Глазе каким-то образом присутствуют в его голове, то немедленно проверил всё в интернете. И именно тогда пришёл к решению, что огромный объём воспоминаний, свалившийся на него, это не просто какая-то случайная чушь, вроде снов.

Впрочем, учитывая то, насколько детальными стали его сны теперь, ещё и с учётом исторических фигур, возможно, его мнение о последней части могло перемениться.

Угх.

Ну почему всё так сложно? Почему Свеча не может быть волшебной и безупречной? Разбираться во всей этой горе информации и так было сложно, а теперь нужно учитывать вероятность ошибки?

Хм-м. С другой стороны, возможно, Свеча была права, а Григозо лгал. Гектор не видел причин для этого, особенно в такой маловажной теме, но, чёрт, может ему просто не удалось увидеть всю картину.

Он решил вмешаться в разговор жнецов, чтобы проверить:

— Эм, прошу прощения, но насчёт возраста Кровавого Глаза. Ему сто семьдесят шесть?

— «Да», — согласился Григозо, с внезапной неуверенностью.

Чёрт. Вот и как было ставить такой вопрос?..

— Просто я читал в интернете, что ему сто тридцать три.

Наступила тишина. После чего жнец вдруг засмеялся: «Вы это серьёзно?»

Что? Гектор не ответил. Он просто смотрел, пытаясь понять, что не так.

Смех отпустил Григозо: «Эм, прошу прощения. Я считал вполне очевидным, что не следует доверять публичным источникам информации, когда речь о высокопоставленных членах Избавления. Или Авангарда, тут не сильно важно. Дезинформация неизбежна. Наверняка так и задумано»

Хм-м. Наверное, он и правда прозвучал как дурак, ну да ладно. Гектор не собирался пытаться доказать, что на самом деле просто проверял информацию, которую получил из древней, мифической кузницы слияния, недавно попавшей ему в руки.

Хотя он мог попробовать надавить и с другой стороны:

— Есть какой-нибудь способ проверить твою информацию? Мне довольно трудно решить, кто говорит больше правды - интернет или жнец, пытавшийся убить меня пару дней назад. Без обид.

— «А. Понимаю. Подтвердить возраст... по правде говоря, единственный вариант, идущий на ум - это спросить других жнецов. Как Вы наверняка знаете, возраст - это щепетильная тема для многих слуг»

Гектор знал, ещё как знал. Всё больше он понимал, что публичное мнение о силе воина практически настолько же важно, насколько и сама сила - чёрт, может даже больше, в некоторых случаях. Хотя он не совсем понимал, на что намекал Григозо. В отличие от его случая, получалось так, что Банда и Кровавый Глаз наоборот, старше, чем все думали.

Преимущество у этого подхода, насколько он мог судить, было только одно - враги могли их недооценить. В бою насмерть этот факт мог повлиять больше, чем любой другой.

Но это всё равно казалось немного странным. Может, потому что самому ему приходилось бороться с ровно противоположной проблемой - и уже чёрт знает сколько. Трудно даже представить, какая стратегия лучше - заставлять всех бояться и уважать тебя? Или недооценивать?

Пока что он не мог даже представить, чтобы дожить до момента, когда второй вариант станет ему доступен.

Разговор продолжался ещё некоторое время, пока двери Зала Лунного Света вдруг не распахнулись. Карлос Сиболт резко вошёл внутрь. Бросив взгляды на жнецов, что могли услышать любое их слово, он посмотрел Гектору в глаза и сообщил:

— Новости, лорд. Из-за границы...

Редактор: akkunin

<http://tl.rulate.ru/book/1701/3251274>